

УДК 316.62

Е.В. Зими́на*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***Е.И. Нефедьева***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОВ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИЖДИВЕНЧЕСТВА И ПАРАЗИТИЗМА

АННОТАЦИЯ. В статье приведен анализ данных статистики, прямо или косвенно указывающих на факты проявления социального иждивенчества или паразитизма. Обозначена сущность и разница понятий «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм». Перечислены категории населения, потенциально склонных к практикам социального иждивенчества / паразитизма. Приведена классификация основных статистических показателей социального иждивенчества и / или паразитизма. Отражены данные статистики о характере поведенческих стратегиях социального иждивенчества со стороны пенсионеров, инвалидов, мигрантов, малообеспеченных групп населения, лиц из числа детей-сирот, а также социальных групп с девиантным поведением. Выявлены тенденции развития социального иждивения и иждивенчества / паразитизма среди населения Иркутской области. Обозначена проблема сложности или невозможности количественной оценки масштабов проявления разных форм социального иждивенчества / паразитизма. Обоснована роль качественных (в том числе социологических) методов измерения размеров социального иждивенчества и паразитизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное иждивенчество и паразитизм, статистическая оценка, социальная защита населения, уровень и качество жизни.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 20 января 2020 г.; дата принятия к печати 2 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

E.V. Zimina*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***E.I. Nefedyeva***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

STATISTICAL ANALYSIS OF FACTS OF MANIFESTING SOCIAL DEPENDENCE AND PARASITISM

ABSTRACT. The article brings forth an analysis of statistical data that indicate, directly or indirectly, to the facts of manifestation of social dependence or parasitism. It denotes the essence and difference of notions «social dependence» and «social parasitism». It enumerates the categories of population potentially inclined to practices of social dependence / parasitism. The article presents a classification of basic statistical indicators of social dependence and / or parasitism. It reflects the statistical data on the character of behavioral strategies on part of pensioner, the disabled, migrants, persons of children-orphan category, as well as the social groups with deviant behavior. It identifies the tendencies of developing social dependence / parasitism among people of Irkutsk Oblast. The article specifies the problem of complexity or impossibility of assessing the manifestation scales for various forms of social dependence / parasitism. It substantiates the role of qualitative (including sociological) methods of measuring the sizes of social dependence and parasitism.

© Зими́на Е.В., Нефедьева Е.И., 2020

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

KEYWORDS. Social dependence and parasitism, statistical assessment, social protection of population, standard and quality of life.

ARTICLE INFO. Received January 20, 2020; accepted March 2, 2020; available online March 31, 2020.

Перед рассмотрением статистических данных о фактах социального иждивенчества и паразитизма остановимся на основных подходах к трактовке сущности социального иждивенчества и паразитизма. В целом социальное иждивенчество можно определить как «систему жизненных ценностей и образ жизни человека, когда он умышленно стремится обеспечить для себя приемлемые условия существования за счет других членов общества». Кроме этого необходимо учитывать различное понимание социального иждивенчества:

- способ существования, при котором человек удовлетворяет свои потребности за счет близких и родственников, имея возможность трудиться и удовлетворять их самостоятельно;

- это обеспечение государством лиц, которые по возрасту или состоянию здоровья не могут самостоятельно себя обеспечивать, не могут трудиться в силу объективных причин (дети, старики, инвалиды).

Факты осуществления социального иждивенчества в их различных формах оценить сложно и количественными и качественными методами. Статистика по результатам проявления практик социального иждивенчества и/или паразитизма отсутствует. Прямых статистических показателей, подтверждающих данное явление, почти нет. Возможно вывить лишь косвенную статистическую информацию об условиях, предпосылках, возможностях формирования и сохранения социального иждивенчества [1; 2].

Косвенно потенциальные основания для проявления иждивенческих практик характеризует следующая статистическая информация о составе населения (по возрастным группам; по уровню трудоспособности; деление на занятых и безработных; характеристики малообеспеченности, социального сиротства, инвалидности, маргинальности и др.).

Напрямую о некоторых практиках социального паразитизма и иждивенчества свидетельствует информация о фактах девиантного и делинквентного поведения (тунеядство, кражи, коррупция, мошенничество, экономические преступления, незаконные махинации и пр.) [3].

Следовательно, при рассмотрении статистических данных, согласно первому определению, можно оценить численность граждан, находящихся в трудоспособном возрасте и трудоспособном состоянии, не работающих (в том числе не желающих работать). Такие лица в прямом смысле слова ведут иждивенческий образ жизни, находясь на попечении своих родных и близких. Однако, косвенно к ним можно отнести граждан, которые или обучаются, или имеют ограниченные возможности здоровья, или находятся в отпуске по уходу за ребенком и, соответственно, временно или постоянно не могут полноценно самостоятельно работать. Также к данной категории можно отнести граждан, которые работают, но зарабатывают недостаточную сумму для обеспечения себя и своих детей, а значит вынуждены принимать помощь со стороны родителей («живу на пенсию родителей»; «помогают родственники» и т.п.) [3; 4].

По второму определению предполагается учет и оценка статистических показателей о численности граждан в нетрудоспособном возрасте и / или нетрудоспособном состоянии, как правило, не работающих, и находящихся на иждивении по объективным причинам. В их составе: несовершеннолетних от 14 до 18 лет, проходящих очный курс обучения; лиц пенсионного возраста, находящихся на попе-

чении государства по возрасту; лиц с инвалидностью и проживающих на средства пенсии по инвалидности; детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (до 18 лет), а также лиц из числа детей-сирот и оставшихся без попечения родителей (от 18 до 23 лет), которые также содержатся на государственном обеспечении.

Что касается социального паразитизма, то в некоторых интерпретациях подчеркивается его девиантная и даже делинквентная природа: «Социальный паразитизм — это крайняя деструктивная форма социального иждивенчества, выражающаяся в явном и скрытом девиантном поведении». Это общественно неприемлемый способ существования отдельных социальных групп, слоев, индивидов, который «носит криминальный подтекст и осознанный умышленный характер (попрошайничество, использование в качестве попрошаек детей и инвалидов)». Таким образом, статистическими показателями проявления фактов социального паразитизма могут послужить данные о наличии и развитии перечисленных форм девиантного поведения [4].

Согласно обозначенным выше определениям социального иждивенчества и паразитизма, остановимся на основных видах и формах их внешнего проявления, которые выражаются в различных социальных явлениях [5]:

1. Безработица или незанятость трудовой деятельностью, сопровождающаяся «желанием работать, поисками работы и готовностью к ней приступить». При этом необходимо рассматривать как официальную (зарегистрированную), так и неофициальную (неучтенную или «скрытую») части безработицы.

2. Домохозяйство, что характеризуется не только отсутствием работы, но и нежеланием ее искать. Следует различать домохозяйство как «скрытая» занятость трудовой деятельностью (занятость в неформальном секторе — без оформления трудовых отношений; занятость ЛПХ и пр.) и домохозяйство в связи с отсутствием необходимости и стремления работать.

3. Вынужденная незанятость трудовой деятельностью временно или постоянно в связи с объективными причинами (уход за детьми, больными родственниками; инвалидность и ограниченные возможности здоровья; пенсионный возраст; прохождение очного курса обучения и пр.). Такие категории населения, как правило, находятся на государственном социальном обеспечении (имеют право на получение определенных социальных выплат и льгот, социальных услуг).

4. Социальный паразитизм, выражающийся не только нежеланием работать, но и насильственными способами получения доходов, благ и услуг с целью решения своих проблем и удовлетворения потребностей. В частности, это совершение различных видов преступного поведения (мошенничество, вымогательство, взыскничество, воровство, коррупция и т.д.).

Статистические показатели проявления такого явления как социальное иждивенчество и паразитизм можно разделить на прямые и косвенные. Прямые показатели характеризуют непосредственно факт отсутствия занятости трудовой деятельностью и/или самостоятельных источников дохода. Косвенные показатели характеризуют условия и факторы, способствующие проявлению практик социального иждивенчества (низкий уровень оплаты труда и социальных выплат; вынужденно неполная занятость или административный отпуск; скрытая занятость (неформальная); скрытая безработица (незарегистрированная) и пр.) [4; 5].

Кроме того, можно рассмотреть социально уязвимые малообеспеченные категории граждан (без учета факта их занятости трудовой деятельностью или безработицы) и разделить их по критерию социальной защищенности на: а) получающие определенные меры социальной поддержки со стороны государства (социальные выплаты, льготы); б) не получающие мер социальной поддержки, в том числе не имеющие основания на получение социальных прав и гарантий со стороны государства [6; 7].

Также можно выделить следующие группы статистических показателей, характеризующих «фоновые» условия, существование которых либо обеспечивает распространение и укоренение практик социального иждивенчества в социуме, либо ограничивает [8].

- показатели структуры населения, в том числе доля категорий населения, относящихся к иждивенцам;
- показатели занятости экономически активного населения;
- показатели, характеризующие уровень жизни и доходов населения (размер заработной платы, социальных выплат, уровень бедности и др.).

Представим характеристику потенциальных субъектов иждивенческих практик. Среди характеристик населения в рамках изучаемой проблемы интерес представляет информация о его возрастной структуре (табл. 1).

Таблица 1

Распределение постоянного населения Иркутской области по основным возрастным группам (на начало года)*

Год	Численность населения, тыс. чел.	Доля (%) населения в возрасте:		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
2000	2644,0	23,0	60,3	16,7
2005	2524,1	19,6	63,2	17,2
2010	2440,4	18,8	62,0	19,1
2015	2414,9	20,6	57,8	21,6
2016	2412,8	21,1	56,9	22,0
2017	2408,9	21,5	56,1	22,4
2018	2404,2	21,8	55,4	22,8
2019	2395,9	21,9	54,9	23,2

* Составлено авторами по данным: Приангарье: год за годом: Иркутская область в цифрах. 2018 : стат. ежегодник / Иркутскстат. Иркутск, 2019. 104 с.

Численность населения в наиболее активном трудоспособном возрасте постепенно снижается (от 16 до 49 лет). Наблюдается рост численности лиц старше трудоспособного возраста (темп роста невысокий). А в последние годы отмечается также небольшой рост доли населения моложе трудоспособного возраста. Соответственно, происходит увеличение экономической нагрузки на трудоспособных граждан и государство в плане обеспечения граждан нетрудоспособного возраста (табл. 2), как представителей групп социального иждивенчества по объективным вынужденным причинам. Среди населения в трудоспособном возрасте также далеко не все участвуют в процессе обеспечения нетрудоспособных, являясь иждивенцами в соответствии с правовым статусом, либо субъектами фактической реализации практик социального иждивенчества (или паразитизма).

Соответственно, нагрузка на трудоспособных по обеспечению и поддержке нетрудоспособных граждан (часто социальных иждивенцев) растет с 582 чел. в 2005 г. до 822 чел. в 2019 г. нетрудоспособных на 1 000 чел. в трудоспособном возрасте. При этом увеличение нагрузки в большей мере произошло за счет увеличения численности пенсионеров — граждан старше нетрудоспособного возраста. Что свидетельствует о старении населения, увеличении доли пожилых в общей структуре населения. В то же время численность лиц, моложе трудоспособного возраста, которые по объективным причинам еще не могут сами себя обеспечивать, увеличивается незначительно.

Таблица 2

**Демографическая нагрузка населения трудоспособного возраста
в Иркутской области (на начало года; чел.)***

Год	На 1 000 чел. трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных		
	всего	в том числе в возрасте:	
		моложе трудоспособного	старше трудоспособного
2005	582	310	271
2010	612	304	308
2015	729	357	372
2017	784	384	400
2019	822	400	422

* Составлено авторами по данным: Приангарье: год за годом: Иркутская область в цифрах. 2018 : стат. ежегодник / Иркутскстат. Иркутск, 2019. 104 с.

Рассмотрим и проанализируем показатели, характеризующие положение иждивенцев, называемых таковыми в соответствии с их правовым статусом, то есть гарантированно обеспечиваемых государством [8; 9].

Таблица 3

Численность пенсионеров в РФ и средний размер ежемесячных назначенных пенсий (по состоянию на 1 января)*

Показатели	Годы			
	1991	2001	2010	2018
Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ, тыс. чел.	32 848	38 411	39 090	43 504
Из них получают пенсии:				
по старости	25 659	28 813	30 828	36 336
по инвалидности	3 514	4 822	3 816	2 107
социальные	470	1 986	2 605	3 156
Из общей численности пенсионеров — работающие пенсионеры, тыс. чел.	6 801	6 102	11 708	9 669

* Составлено авторами по данным: Федеральная служба статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm.

Среди иждивенцев нетрудоспособного возраста наибольшую долю составляют пенсионеры (табл. 3 и 4). По России и по Иркутской области, начиная с 1991 г. растет численность пенсионеров по старости, уменьшается численность инвалидов и числа лиц, получающих пенсию по потере кормильца. Наступление пенсионного возраста в разрезе рассматриваемых объективных причин социального иждивенчества лидирует.

Социальная пенсия для лиц, не наработавших трудовой стаж для получения трудовой пенсии, отражает рост по таким данным, как: 1) число лиц, получающих социальные пенсии, характеризует интенсивное увеличение в течение всего периода (1991–2018 гг.); 2) средний размер назначенных социальных пенсий также увеличивается, однако на это обстоятельство оказывает влияние инфляция. Так, в Иркутской области, с 2000 г. по 2017 г. вдвое увеличилось число лиц, получающих социальные пенсии. Такое обстоятельство и прямо и косвенно свидетельствует о возможном усилении практик социального иждивенчества среди пожилых.

Таблица 4

Численность пенсионеров и средний размер назначенной ежемесячной пенсии в Иркутской области*

	Численность пенсионеров, тыс. чел.			Средний размер назначенной месячной пенсии, р.		
	2000	2015	2019	2000	2015	2019
Все пенсионеры	663,5	751,0	761,8	851	12483	14531
из них получающие пенсии:						
по старости	471,2	601,0	616,0	941	13468	15730
по инвалидности	74,7	36,0	32,0	738	8712	9866
социальные	49,9	90,8	87,6	547	8822	9775

* Составлено авторами по данным: Приангарье: год за годом: Иркутская область в цифрах. 2018 : стат. ежегодник / Иркутскстат. Иркутск, 2019. 104 с.

Из общей численности пенсионеров работающие пенсионеры составляют более четверти. При этом до 2016 г. включительно наблюдается стремительный рост их числа, что можно объяснить низким уровнем жизни, условиями нескольких экономических кризисов этого времени, соответственно желаем пенсионеров подработать. Начиная с 2017 г. начинается резкое снижение численности работающих пенсионеров. Косвенно это говорит о возможном увеличении лиц, склонных к социальному иждивенчеству последние годы. Данные о численности работающих пенсионеров свидетельствуют о резком уменьшении их количества в последние два года, что, скорее всего, связано с изменением ситуации на рынке труда [9; 10].

Региональные тенденции в области количественных характеристик системы пенсионного обеспечения совпадают с общероссийскими. Число получателей пенсионных выплат неуклонно растет, основную долю из них (более 80 %) составляют пенсионеры по старости.

С точки зрения проблемы социального иждивенчества наиболее значимой является информация о социальных пенсиях. До начала 1990-х гг. такого вида пенсионной выплаты не существовало, лица, не заработавшие себе право на пенсию по старости, ничего не получали. Данная выплата реализуется в рамках социального вспомоществования, но при этом размер социальных пенсий незначительно ниже уровня трудовых пенсий по старости — примерно на четверть, и даже несколько выше размеров трудовых пенсий по инвалидности. Государство решает задачу обеспечения уровня пенсий не ниже прожиточного минимума, но при этом нарушается принцип социальной справедливости, а также снижается мотивация к труду, что является одним из условий порождения иждивенческих настроений. Кроме того, количество получателей социальных пенсий с 2000-х гг. возросло почти в два раза, что свидетельствует об увеличении экономической нагрузки на государство по обеспечению индивидов, не приложивших в свое время усилий в сфере общественного производства [8; 9].

Одной из групп населения, склонной, согласно общественному мнению, к практикам социального иждивения, являются инвалиды (табл. 5). Основная причина отнесения их к «социальным иждивенцам» — это обстоятельство их незанятости трудовой деятельностью (для многих), соответственно низкий уровень жизни, получение государственной поддержки в виде пенсии по инвалидности и различных льгот. Общая доля инвалидов в числе населения составляет 9,5 %. В Иркутской области проживает 211 493 инвалидов по данным на 1 января 2020 г., в том числе 85 тыс. инвалидов в трудоспособном возрасте по данным за 2017 г., из них заняты трудовой деятельностью более 21 тыс. граждан (24,7 %).¹

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской обл. : офиц. сайт / Иркутскстат, 2020. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.

Таблица 5

*Статистика инвалидности по РФ (тыс. чел.)**

Общая численность инвалидов на 1 января		Из общей численности лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами, — инвалиды в трудоспособном возрасте	
Год	Численность	Год	Численность
1998	9 560	1998	581
1999	10 364	1999	564
2000	10 648	2000	553
2005	11 538	2005	566
2010	13 134	2010	441
2015	12 924	2015	346
2019	11947	2019	280

* Составлено авторами по данным: Федеральная государственная служба статистики : офиц. сайт / Росстат. М., 2020. URL: <https://www.gks.ru/>.

Инвалиды, являясь представителями еще одной категории населения, характеризующейся правовым статусом иждивенцев, весьма неоднородны по своим возможностям самостоятельного жизнеобеспечения. С одной стороны, государство, официально признав инвалидов находящимися на иждивении, берет на себя обеспечение их потребностей в виде выплат пенсий по инвалидности и предоставления ряда иных социальных выплат и льгот. С другой — определенная доля инвалидов находится в трудоспособном возрасте, хотя показатель этот стабильно снижается, но часть из них вполне могла бы принимать посильное участие в своем жизнеобеспечении посредством трудовой занятости [8].

По данным, демонстрирующим динамику численности инвалидов по России, видна тенденция к увеличению численности данной категории граждан, а также тенденция уменьшения среди них трудоспособных лиц с инвалидностью. Соответственно, с двух сторон можно рассматривать риск роста практик социального иждивенчества по причине инвалидности: 1) увеличение инвалидизации населения в целом; 2) увеличение числа инвалидов нетрудоспособного возраста, что снижает возможность их трудовой деятельности [11].

Косвенно к «социальным иждивенцам» можно отнести отдельные группы населения. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также «лица из числа детей-сирот и оставшихся без попечения родителей» (от 18 до 23 лет) являются, по мнению общественности, склонными к проявлению иждивенческих настроений и поведения. Иркутская область многие годы лидировала по числу детей данной категории, подавляющее большинство которых — социальные сироты. Лишь в последнее время наметилась слабopозитивная тенденция сокращения количества данного контингента за счет активизации работы с семьями, как родными, так и приемными. В муниципальных образованиях региона острота проблемы сиротства несовершеннолетних представлена по-разному, в наибольшей степени она сохраняется в крупных городах и районах области [8; 12].

Значительная численность детей-сирот усиливает экономическую нагрузку на общество и является серьезным фактором, определяющим рост иждивенческих практик как среди самих детей, оставшихся без попечения родителей, так и в семьях, которые тем или иным образом вовлечены в ситуацию появления или преодоления сиротства. Практика социальной защиты и социальной работы подтверждает тот факт, что иждивенческие стратегии реализуются как родителями, у которых детей

Таблица 6

Динамика численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целом и по разным формам их жизнеустройства в Иркутской области (чел.)*

Показатели	Годы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Количество детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	21 340	20 877	20 128	19 606	18 523	17 343	16 545
Количество детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях опекунов (попечителей)	7 397	6 377	5 383	4 547	3 740	2 919	2 512
Количество детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в приемных семьях	7 079	8 416	10 038	11 433	12 099	12 369	12 254
Количество детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях усыновителей	3 202	3 156	3 152	3 150	3 217	3 207	3 222

* Составлено авторами по данным: Министерство социального развития, опеки и попечительства Иркутской области : офиц. портал / Правительство Иркутской обл. Иркутск, 2020. URL: http://irkobl.ru/sites/society/opeka/stat_dan/.

забирают, так и принимающими семьями, использующими в ряде случаев ситуацию приемного родительства для решения собственных материальных проблем [8; 12; 13].

Одним из основных прямых показателей потенциального социального иждивенчества является уровень жизни граждан, в том числе источники и размер среднедушевых доходов. Так, по данным официальной статистики доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения) составила²: в 1997 г. — 26,5 %; в 2002 г. — 31,9 %; в 2007 г. — 18,4 %; в 2012 г. — 16,8 % и в 2017 г. — 20 %.

Как видно, с течением времени уровень бедности среди региона населения постепенно снижается, начиная с 2006 г. Но, начиная с 2015 г. снова немного увеличивается до 20 % в 2017 г. Так, основываясь на данных об уровне благосостояния граждан, уровень социального иждивенчества характерен почти для трети населения региона в середине 90-х годов и для пятой части населения — в настоящее время.

Рассмотрим темпы роста показателей доходов населения. Наблюдается снижение темпов роста, как номинальной, так и реальной заработной платы. Это в условиях сохраняющейся и периодами усиливающейся инфляции. Кроме того, реальная заработная плата, начиная с 2015 г. даже снижается. Аналогично в целом по среднедушевым доходам населения региона. В последние годы преобладает тенденция снижения их реального значения. Только размер пенсии по возрасту имеет тенденцию к увеличению, как по номинальному, так и по реальному показателю. Темпы роста увеличиваются.

Можно отметить тот факт, что снижение темпов роста доходов, а значит и уровня благосостояния граждан, является косвенным фактором увеличения вы-

² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской обл. : офиц. сайт / Иркутскстат, 2020. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.

нужденного социального иждивенчества. Подобная динамика свидетельствует об ухудшении положения самых низкодоходных слоев населения, о «сползании в бедность» большого количества домохозяйств. Потеря перспектив, невозможность выбраться из бедности — верный путь к формированию поведенческих установок на социальное иждивенчество и паразитизм [14].

Таблица 7

*Изменение основных показателей уровня жизни населения
Иркутской области (в % к предыдущему году)**

	2000	2005	2010	2015	2018
Среднемесячная заработная плата					
номинальная	137	124	113	104	112
реальная	112	114	105	91	108
Средний размер назначенных пенсий (на конец года)					
номинальный	151	125	122	111	106
реальный	124	116	111	101	100
Среднедушевой денежный доход					
номинальный	134	131	109	111	104
реальный	109	118	101	97	101
Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума, раз	1,8	2,4	2,7	2,2	2,3
Удельный вес населения с доходами ниже про- житочного минимума, в %	35,5	21,3	18,1	20,1	18,1
Соотношение доходов 10 % наиболее и наиме- нее обеспеченного населения, раз	14,8	15,3	15,9	11,9	9,9

* Составлено авторами по данным: Приангарье: год за годом: Иркутская область в цифрах. 2018 : стат. ежегодник / Иркутскстат. Иркутск, 2019. 104 с.

Косвенно о потенциальных практиках социального иждивенчества говорят данные о миграционных потоках, в том числе в городской и сельской местности. На примере Иркутской области (табл. 8) статистика отражает стабильную миграционную убыль населения (выбывших граждан больше прибывших на территорию региона), однако по сельской местности убыль меньше выражена и отдельные годы наблюдается даже прирост населения за счет миграции. С точки зрения практик социального иждивенчества миграционная убыль рассматривается с положительной стороны, чем миграционный прирост и в особенности трудовая иммиграция семей из дальнего и ближнего зарубежья. В рамках легальной трудовой миграции они становятся объектом усиленной социальной поддержки со стороны государства. Нелегальная (неучитываемая) иммиграция усиливает криминогенную обстановку, проявляет уже существующие практики социального паразитизма [15].

Одним из относительных показателей практик социального паразитизма являются показатели девиантного, в том числе преступного поведения. Как свидетельствуют данные статистики органов прокуратуры Иркутской области, среди всех видов совершаемых преступлений значительное место занимают преступления экономического характера (мошенничество, кража, грабеж и пр.).³ Значительная часть всех зарегистрированных преступлений 8 602 (41,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж — 77 99 (–8,2 %), мелкого хище-

³ Прокуратура Иркутской области : офиц. сайт. Иркутск, 2020. URL: <https://www.irkproc.ru/qa/2255.html>.

Таблица 8

*Общие итоги миграции населения Иркутской области, чел.**

Год	Число прибывших			Число выбывших		
	всего	городские поселения	сельская местность	всего	городские поселения	сельская местность
2004	40 188	28 752	11 436	45 390	34 042	11 348
2010	36 571	27 670	8 901	42 112	31 241	10 871
2011	55 442	41 087	14 355	62 241	45 687	16 554
2012	61 959	46 378	15 581	69 204	51 941	17 263
2013	67 642	50 796	16 846	76 195	56 139	20 056
2014	63 238	49 392	13 846	70 402	52 935	17 467
2015	61 626	47 073	14 553	67 740	51 019	16 721
2016	62 978	46 323	16 655	70 124	53 318	16 806
2017	66 678	48 028	18 650	72 605	54 627	17 978
2018	68 130	50 005	18 125	74 040	54 987	19 053

* Составлено авторами по данным: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской обл. : офиц. сайт / Иркутскстат, 2020. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.

ния — 10 (+25 %), присвоения или растраты — 94 (+1,1 %), грабежей — 611 (–22,7 %), разбоев — 88 (–24,8 %).

Таблица 9

*Характеристика лиц, совершивших преступления**

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Выявлено лиц, совершивших преступления, человек	30 184	25 984	24 854	23 562	23 453	21 952
из них:						
несовершеннолетних	4 383	2 267	1 895	1 667	1 647	1 550
женщин	4 774	4 575	4 612	3 749	4 166	3 829
учащихся, студентов	3 784	1 814	1 737	1 548	1 552	1 465
лиц без постоянного источника дохода	19 481	18 011	17 237	15 755	15 545	14 129
из них безработных	741	893	850	22	187	150

* Составлено авторами по данным: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской обл. : офиц. сайт / Иркутскстат, 2020. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.

Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (статьи 159 — 159.6 УК РФ) в регионе имеет тенденции к снижению небольшими темпами. Например, число преступлений, предусмотренных статьей 290 Уголовного Кодекса Российской Федерации (получение взятки), в Иркутской области снизилось в 2018 г. на 33,3 % (с 30 до 20) и составило 0,8 % в структуре преступлений. Зарегистрировано 7 преступлений, предусмотренных ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (дача взятки, рост с 2017 г. на 16,7 %). Также зарегистрировано 8 преступлений, предусмотренных статьей 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (посредничество во взяточничестве). Возросло на 245 % (с 40 до 138) количество преступлений, предусмотренных ст. 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (мелкое взяточничество).

Структура преступности в Иркутской области за 2018 г. характеризуется следующими показателями: «убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью,

изнасилование...» (3 %); «умышленное причинение легкого вреда здоровью, похищение, угроза убийством...» (7,6 %); «в сфере незаконного оборота оружия» (1,1 %); «в сфере незаконного оборота наркотиков» (6,5 %); «присвоение или растрата» (0,5 %); «грабеж, разбой» (3,4 %); «мошенничество» (6,9 %); «кража» (37,4 %) и прочее (33,6 %).

Как видно по статистике, наибольшее число выявленных случаев преступлений носят экономический характер (мошенничество и кража). Это напрямую отражает проявление социального паразитизма в таких деструктивных неправомерных формах. Наблюдаются тенденции к увеличению фактов преступления экономического характера, что сохраняет и усиливает такое явление как социальный паразитизм [8; 16].

Таким образом, в российской статистике нет показателей, напрямую учитывающих и характеризующих проявление социального иждивенчества и паразитизма. Существует ряд показателей, косвенно отображающих потенциально возможные социальные практики иждивенчества и паразитизма.

В первую очередь, это статистика о фактах занятости или безработицы граждан, поскольку трудовая деятельность является основанием для получения самостоятельных трудовых доходов. Во-вторых, это информация об уровне и источниках доходов граждан (заработная плата или социальные выплаты разного рода), которая свидетельствует о достаточности или недостаточности материального благосостояния граждан для удовлетворения личных потребностей и формирования приемлемого уровня жизни. В-третьих, это информация об уровне и масштабах деликвентного поведения с целью незаконного изъятия материальных благ и ценностей, денежных средств у других граждан. Данная практика характеризует не столько иждивенчество, сколько исключительно паразитарный образ жизни.

Список использованной литературы

1. Карпикова И.С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума / И.С. Карпикова. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).9 // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=21897>.
2. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество как феномен современной России: теоретические подходы к исследованию / И.С. Карпикова, Е.В. Зиминая // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы 4-ой междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 2–4 дек. 2015 г. — Улан-Удэ, 2015. — С. 166–167.
3. Бахматова Т.Г. Исследовательский потенциал количественного и качественного подходов в социальной работе / Т.Г. Бахматова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2010. — № 5. — С. 28–35. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=13879>.
4. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования / И.С. Карпикова, Е.В. Зиминая, А.А. Соломеин. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).123-130 // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 1. — С. 123–130.
5. Седых О.Г. Социальное иждивенчество: причины возникновения и историческая перспектива / О.Г. Седых // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 3-1. — С. 172–178.
6. Сидорина Т. Социальное иждивенчество — оборотная сторона благоденствия / Т. Сидорина, О. Тимченко // Отечественные записки. — 2012. — № 5 (50). — С. 58–72.
7. Иждивенчество или содействие? Программы социальной помощи и стимулы к труду / Р. Г. Емцов, Е.И. Андреева, М.А. Нагерняк [и др.] // Финансовый журнал. — 2017. — № 4 (38). — С. 24–33. 2), pp. 14–30.
8. Практики социального иждивенчества в современной России (опыт и результаты регионального исследования) / под ред. И.С. Карпиковой. — Москва : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. — 204 с.

9. Карпикова И.С. Феномен социального иждивенчества в оценках населения (на примере Иркутской области) / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 11 (129). — С. 36–41.
10. Карпикова И.С. Применение SWOT-анализа в изучении социальных проблем (на примере исследования социального иждивенчества и паразитизма) / И.С. Карпикова, О.Г. Седых // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — № 11. — URL: <http://www.online-science.ru/userfiles/file/ignatexmqol9obxvxtmdhodaajkljpo.pdf>.
11. Малышев Д.М. Причины социального иждивенчества / Д.М. Малышев // Научный поиск. — 2017. — № 2. — С. 17–18.
12. Гуцалюк Ю.Н. Социальное иждивенчество как следствие социальной депривации (на примере детей сирот) / Ю.Н. Гуцалюк, И.Г. Кузина // В мире научных открытий. — 2014. — № 3-4 (51). — С. 1781–1790.
13. Седых О.Г. Взаимодействие власти и бизнеса в решении жилищных проблем детей-сирот как механизм контроля и сдерживания социального иждивенчества / О.Г. Седых. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).10 // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 2. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22109>.
14. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. — 1999. — № 4. — С. 46–57.
15. Зимина Е.В. Социальная поддержка как фактор проявления социального иждивенчества среди трудовых мигрантов (на примере Иркутской области) / Е.В. Зимина, Е.И. Нефедьева. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).2 // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22228>.
16. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и паразитизм в продуцировании противоправного поведения / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева, О.Г. Седых. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).165-177. // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 165–177.

References

1. Karpikova I.S. Features of Theoretical Interpretation of the Social Dependency Phenomenon in Terms of Russian Society. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).9. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=21897> (In Russian).
2. Karpikova I.S., Zimina E.V. Social Dependency as a Phenomenon of Present-day Russia: Theoretical Approaches to Investigation. *Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti. Materialy 4-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulan-Ude, 2-4 dekabrya 2015 g.* [Forms and Methods of Social Work in Various Spheres of Vital Life Sustainance. Materials of 4th International Research Conference, Ulan-Ude, December 2–4, 2015]. Ulan-Ude, 2015, pp. 166–167. (In Russian).
3. Bakhmatova T.G. Potential of Quantitative and Qualitative Approaches to Studying Social Problems. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2010, no. 5, pp. 28–35. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=13879>.
4. Karpikova I.S., Zimina E.V., Solomein A.A. Social Dependency and Social Parasitism in Modern Russia: an Expert Assessment of the Causes and Factors of Existence. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 123–130. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).123-130. (In Russian).
5. Sedykh O.G. Social Identity: Causes of Initiation and Historical Retrospective. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Ideas*, 2018, no. 3-1, pp. 172–178. (In Russian).
6. Sidorina T., Timchenko O. Social Dependency: The Other Side of Welfare. *Otechestvennye zapiski = Notes of the Fatherland*, 2012, no. 5 (50), pp. 58–72. (In Russian).
7. Yemtsov R.G., Andreeva Y.I., Nagernyay M.A., Posarac A., Bychkov D.G. Fostering of Dependency or Protection? Social Assistance Programs and Work Incentives. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*, 2017, no. 4 (38), pp. 24–33. (In Russian).

8. Karpikova I.S. (ed.). *Praktiki sotsial'nogo izhdivenchestva v sovremennoi Rossii (opyt i rezul'taty regional'nogo issledovaniya)* [Practices of Social Dependency in Modern Russia (Experience and Results of a Regional Study)]. Moscow, BIBLIO-GLOBUS Publ., 2018. 204 p.

9. Karpikova I.S., Nefedyeva E.I. The Phenomenon of Social Dependency in Population Assessments (by a Case Study of the Irkutsk Region). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2018, no. 11 (129), pp. 36–41. (In Russian).

10. Karpikova I.S., Sedykh O.G. Application of SWOT Analysis in the Study of Social Problems (by a Case Study of Social Dependency and Parasitism). *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2018, no. 11. Available at: <http://www.online-science.ru/userfiles/file/ignatexmqol9obxvxtmdho daa-jkljpo.pdf>. (In Russian).

11. Малышев Д.М. Причины социального иждивенчества / Д.М. Малышев // Научный поиск. — 2017. — № 2. — С. 17–18. Malyshev D.M. Social Dependence Problems. *Nauchnyi poisk = Scientific Search*, 2017, no. 2, pp. 17–18. (In Russian).

12. Gutsaljuk J.N., Kuzina I.G. Social Dependency as a Consequence of Social Deprivation (for Example, Children-Orphans). *V mire nauchnykh otkrytii = In the World of Scientific Discoveries*, 2014, no. 3-4 (51), pp. 1781–1790. (In Russian).

13. Sedykh O.G. Interaction of Authorities and Business in Solving Housing Problems for Orphaned Children as a Mechanism of Control and Moderation of Social Dependency. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).10. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=22109> (In Russian).

14. Balabanova E.S. Social and Economic Dependence and Social Parasitism: Strategies of «Negative Adaptation». *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1999, no. 4, pp. 46–57. (In Russian).

15. Zimina E.V., Nefedyeva E.I. Social Support as a Factor of Manifestation of Dependence among Labor Immigrants (in Terms of Irkutsk Oblast). *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).2. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=22228>. (In Russian).

16. Karpikova I.S., Nefedyeva E.I., Sedykh O.G. Social Dependence and Parasitism in Inducing Unlawful Behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 165–177. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).165-177. (In Russian).

Информация об авторах

Зими́на Ека́терина Викто́ровна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: katerinovna@list.ru.

Нефе́дьева Еле́на Ива́новна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: nei10@mail.ru.

Authors

Ekaterina V. Zimina — Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation e-mail: katerinovna@list.ru.

Elena I. Nefedyeva — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: nei10@mail.ru.

Для цитирования

Зими́на Е.В. Статистический анализ фактов проявления социального иждивенчества и паразитизма / Е.В. Зими́на, Е.И. Нефе́дьева. — DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).1 // *Baikal Research Journal*. — 2020. — Т. 11, № 1.

For Citation

Zimina E.V., Nefedyeva E.I. Statistical Analysis of Facts of Manifesting Social Dependence and Parasitism. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).1. (In Russian).